

О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ РАССКАЗЫВАЕТ БРИТАНСКИЙ АРТИЛЛЕРИСТ АЛЕК БАРТОРП

К моменту начала ВМВ Алек Барторп (Alec James Barthorpe) уже служил в одной из артиллерийских частей Территориальной Армии. После периода дальнейшего обучения в октябре 1940 года он отправился в восточную Африку, где ему предстояло принять участие в боевых действиях против итальянских войск, оккупировавших Абиссинию. Позднее он воевал в Ливийской пустыне и в Италии, а в конце 1944 года оказался в Греции, где побывал в плену у греческих партизан...

Абиссиния и Эритрея - 1940 - 1941

Мы сошли на берег в Порт-Судане, откуда на железнодорожных платформах были переброшены в Кассалу/Kassala, чтобы присоединиться к 5-й Индийской Дивизии на Эритрейском фронте. Полк разделили: моя батарея - 389-я Сассекская/Sussex - отправилась дальше, в Гедареф/Gedaref, наша сестра - 390-я Сэррейская/Surrey - осталась в Кассале и присоединилась к боевой группе (БГ) *Gazelle* - высокомобильному соединению, сформированному специально для преследования отступающего противника. Позднее она примет участие в отражении единственной за всю историю ВМВ кавалерийской атаки, когда 60 всадников из итальянской колониальной кавалерии, попавших в окружение во время ее быстрого продвижения вперед, неожиданно атакуют БГ *Gazelle* с тыла. Пушки были незамедлительно развернуты в сторону противника, после чего был открыт огонь прямой наводкой, при этом артиллеристам помогли все, кто мог вести ружейный огонь. Кавалеристы откатились, оставив на поле боя 24 убитых и 16 раненых.

По прибытии в Гедареф нас немедленно перебросили на передовую, чтобы мы сменили 25-й Полк Полевой Артиллерии, удерживавший полосу обороны в районе Галлабата/Gallabat, на тот момент единственного суданского города, оккупированного итальянцами. На вооружении 25-го Полка были старые, сильно изношенные пушки, которые было необходимо срочно сменить: это были древние 18-фунтовки 1912 года выпуска, использовавшиеся еще в годы ПМВ. У нас были новые 25-фунтовки, которые эти артиллеристы никогда не видели и о которых разве что читали, - это вызвало у них немалое возбуждение, и они просто страсть как хотели увидеть, как мы ведем из них огонь в бою. Эти парни сказали нам, что они окопались на двух позициях: одна была передовой, сразу за пехотой, и размещена так, чтобы цели в тылу противника попали в пределы досягаемости огня их изношенных стволов, а с той, на которой оказались мы - тыловой - они могли вести огонь непосредственно по противнику. Через полчаса после того, как мы сменили их, они были изумлены, увидев, что мы можем с их *тыловой* позиции накрывать цели, до которых они не могли добраться со своей *передовой* позиции!

Местность здесь была очень сухой, (сезон дождей должен был вот-вот начаться), было полно кустарника и много деревьев, так что мы широко использовали свои маскировочные сети. У нас не было никакой поддержки с воздуха, так что бомбардировщики *Капрони/Caproni* частенько наносили нам визиты. Вскоре мы сообразили, что, хотя итальянцы и знали местность, на которой мы находились, точного расположении наших позиций они выявить не могли. Как-то раз несколько *Капрони* прилетели, чтобы, как мы думали, нанести нам обычный утренний визит, но они схитрили и сбросили бомбы на окружающие нас кустарники, после чего мы увидели, что рядом с нами заполыхали пожары: огонь разгорелся из-за того, что итальянцы сбросили зажигательные бомбы, и теперь ветер гнал пламя прямо на наши позиции. В центре нашего расположения и немного в сторону тыла находился наш хорошо замаскированный склад боеприпасов, и, если бы огонь добрался до него, взрывы нанесли бы такие людские и материальные потери, какие итальянская армия не смогла бы нанести за месяцы боев. Все, кто был под рукой, и я в том числе, получили по лопате и были брошены на борьбу с огнем, который мы остановили через несколько часов. Слава богу, *Капрони* нас не беспокоили...

Через несколько недель, дело было в конце января 1941 года, наши пехотинцы сообщили, что в результате заметного отсутствия перемещений противника или его активности, вперед были высланы патрули, которые доложили, что итальянцы покинули Галлабат и, кажется, отступает в направлении озера Тана/Tana, в район, находившийся от нас в 60-80 милях. Была быстро сформирована мобильная боевая группа, в которую вошли рота пехоты и отделение В моей батареи. Группа получила приказ немедленно приступить к преследованию противника. Через какое-то время мы догнали их арьергард, пройдя на полной скорости около 15 миль, выставили пушки на огневые позиции, но после того, как мы выпустили несколько снарядов, противник отступил. Мы продолжали преследовать его, пройдя еще 5-10 миль, снова догнали, развернули пушки и, сделав лишь несколько выстрелов, получили приказ прекратить огонь и ждать. Вскоре после этого, в то время как уже становилось темно, мы стали готовиться к ночлегу на этой позиции, оставаясь в готовности вступить в бой в любое время,

На следующее утро нам сообщили, что противник и в самом деле убрался в направлении озера Тана и что нам придется вернуться на позицию нашей батареи в Галлабате, после чего на полной скорости переместиться в Керен/Keren, где итальянцы создают заслон, намереваясь заблокировать нам продвижение к единственному проходу через горный хребет на возвышающееся над ним плато и к столичному городу [Эритреи] Асмара/Asmara. Все наши попытки прощупать оборону противника на этом направлении были отбиты.

Путь к Керену занял у нас несколько дней, поскольку нам пришлось добираться до него через Кассалу. По прибытии мы заняли позиции в песчанистой долине, достигавшей большой ширины в приусадебной части, до которой мы дошли. Она стала сужаться, когда мы приблизились к находившемуся впереди горному хребту и сошла на нет у подножия перевала. В то время мы не знали, что артиллерийские позиции, занятые нами в песчанистой долине, находились посреди участка местности, использовавшегося итальянцами до войны в качестве полигона для учебных стрельб! В полученной нами информации сообщалось о том, что 4-я Индийская Дивизия выдвинулась вперед за какое-то время до нас в ходе продвижения со стороны Кассалы, но была остановлена на этом участке. Несмотря на то, что на север и на юг от нашей позиции были высланы рекогносцировочные патрули, оказалось, что этот перевал был единственным проходом со стороны равнины к плато, расположенному в нескольких тысячах футов над нами. На нем находилась главная база снабжения итальянских войск – город Керен. Перевал был узким и извилистым, но по нему были проложены шоссейная и железная дороги. Над этим ущельем господствовал форт Дологородок/Dologorodoc. На высотах *Sanchil*, *Brigg's Peak* и некоторых других находились укрепленные позиции итальянцев. Прорвать эту мощную линию обороны противника должна была 5-я Индийская Дивизия при нашем участии...

Мы заняли позиции на довольно песчанистом участке местности, что, в определенной степени, давало нам преимущества, поскольку несмотря на частые вражеские артобстрелы, предотвращало сильный разлет осколков и потери от них, а в одном случае спасло мне жизнь. Мы ели и спали метрах в 10 от пушки, и в одном случае нас разбудили с первыми лучами солнца и попросили обстрелять ранее намеченную цель. Мы открыли огонь с обычной частотой в один снаряд в минуту. Очень быстро темп стрельбы вырос до двух снарядов в минуту, а потом почти сразу нас попросили вести огонь с максимально возможной скорострельностью. Это относилось ко всем нашим четырем пушкам. После примерно двух часов пушка № 3, находившаяся слева от нас (мы были № 2), прекратила стрельбу, и, поскольку приказа на это не было, и мы сами были под огнем во время этого боя, расчет пушки № 1 спросил, что произошло. Оказалось, что в противооткатном устройстве началась утечка масла, что вывело пушку из строя. Поскольку у нас оставалось мало боеприпасов, сержант из расчета № 2 предложил нам послать людей за снарядами из их припасов. Послали меня и еще троих. (Должен сказать, что я, хотя и был водителем, помогал расчету, когда мы вели огонь со статичной позиции). Мы сделали несколько пробежек к пушке № 2 и обратно, каждый при этом приносил ящик с четырьмя снарядами или с восемью дополнительными зарядами. Когда я тронулся в обратный путь, делая последнюю ходку, противник начал обстреливать нашу позицию. Я был на полпути назад,

так что разворачиваться было так же опасно, как и продолжать двигаться в том же направлении, поэтому я пошел дальше. Я проходил через особенно песчанистый участок, где находилась низкая дюна, когда снаряд упал буквально не более чем в паре метров от меня, у подножия этой дюны. Вероятно, это спасло мне жизнь, поскольку меня осыпало песком и обрывками травы. Я крыл почем зря вражеских артиллеристов, но осколки меня не задели. Позднее мне сказали, что когда мои друзья увидели, как я исчез в облаке песка и пыли, они что-то крикнули мне, чтобы понять, в порядке я или нет, но, услышав мои проклятья, они уже знали, что меня не зацепило – и все благодаря песку!

Погода стояла жаркая, дождей не было, так что *Бедная Долбаная Пехота/Poor Bloody Infantry* мучилась от жажды, пытаясь штурмовать нависавшие над ними высоты. Система обороны итальянцев опиралась на Форт Дологородок, поэтому, чтобы пробиться через перевал, нам нужно было взять высоты. Поскольку противник взорвал полотно автомобильной и железной дорог в нескольких местах, индийским саперам приходилось ремонтировать их по мере нашего продвижения вперед, чтобы дать возможность нашим танкам зайти итальянцам в тыл. Форт был взят Батальоном Маратхов/Mahrattas 5-й Индийской Дивизии и Батальоном Западных Йоркширцев/Weat Yorkshire, поддержаных нашими 25-фунтовками, примерно на третий день боев, продолжавшихся десять дней. Мы (моя батарея) разместили НП (наблюдательный пункт) внутри этого форта, как только заняли его, и помогли отразить контратаку итальянцев. Все припасы для тех, кто удерживал форт, приходилось затачивать вверх по склону горы пешим ходом. Я дважды принял участие в этих прогулках в условиях страшной летней жары и обнаружил, что жажду они вызывают неимоверную. Особенно это чувствовалось, когда я тащил на себе двухгаллонную (9.1 л) канистру с водой на наш НП. К тому моменту, когда я добрался до них, я бы и сам мог выпить эти два галлона, однако в моей фляге было всего две пинты (0.95 л) воды! Со временем, само собой, танки прорвались через оборонительную полосу противника, и ему пришлось отступить в сторону Асмара. Была быстро сформирована боевая группа преследования из частей 5-й Индийской Дивизии, и наша батарея тоже получила приказ принять в этом участие. Мы без промедлений собрали свое снаряжение и тронулись в путь: впереди шло отделение A, за ним B, далее – C. Мы стали первым артополком, продвинувшимся в сторону Асмара через перевал, и у нас не было остановок, пока мы не прошли половину пути до столицы Эритреи и не получили приказ приготовиться к сражению, так как противник собирался дать последний и решительный бой. Мы так и сделали, но приказ был отменен: противник оставил свои позиции и поспешно отошел. Мы остались на позиции и устроились на ночлег. Рано утром следующего дня, еще до рассвета, мы продолжили преследование отступающих итальянцев. Незадолго до ланча мы вступили в Асмару, где расположились на территории радиостанции *Marina*, временно не работавшей. Я был немало удивлен, увидев, как местные жители свободно разгуливают по городу – и белые. и черные, и радостно приветствуют нас.

Асмана оказалась приятным и привлекательным городом, самым крупным из тех, через которые мы проходили после того, как покинули Египет. Он стоял на высоком плато, расположенном в центре Эритреи, примерно на такой же высоте, что и Йоханнесбург – 5 500 футов над уровнем моря, и погода здесь была очень похожей. Мы оставались в нем несколько дней и использовали эту возможность для того, чтобы почиститься и подготовить нашу технику к новым боям. Они начались довольно скоро, поскольку через неделю после нашего прибытия в этот пункт мы получили приказ утром выступать в сторону Массавы/Massawa. Это был морской порт, на подступах к которому противник окопался и готовился дать нам бой. Массава была единственным морским портом Эритреи и, по этой причине, имела для нас стратегическое значение, поскольку была связана автомобильной и железной дорогами и телеграфно-телефонной линией с Асмарой. Расстояние между ними по дороге было равно 67 милям, спуск составлял 5 000 футов, последние 5-мильный отрезок находился на уровне моря. У нас ушло 8 часов на то, чтобы дотащить до новой позиции наши пушки...

Сразу по прибытии на место мы подготовили пушки к бою. Нам предстояло поддержать Свободных Французов, входивших в *Brigg's Force* – сводную боевую группу, где были также

британцы, индийцы и части Суданских Сил Обороны/Sudan Defense Force. Она продвинулась на юг вдоль побережья от Порт-Судана до Массавы, тесня противника, временами оказывавшего упорное сопротивление. На следующее утро мы открыли огонь по вражеским позициям в городе, и, когда мы прекратили обстрел, в город вступила пехота. Через несколько часов противник капитулировал, и город перешел под наш контроль. На следующий день я с несколькими приятелями получил разрешение одолжить легкий грузовик, чтобы прокатиться в город. Он был невелик по размеру, большая часть домов оказалась поврежденной артогнем, а гавань была забита затопленными судами и кораблями всех типов. Нам сказали, что их там 67. Становилось очень жарко, так что трое из нас разделись и славно искупались в море... Мы вернулись на наши позиции, а позднее и в Асмару. Обратный путь занял у нас два дня: пришлось буксировать пушки вверх по горным склонам по асфальтированному шоссе. Мы снова расположились рядом с радиостанцией *Marina* иостояли там около 10 дней, занимаясь чисткой и проверкой нашего снаряжения, а также сбором трофейных пушек в окрестностях Асмарьи.

Гавань Массавы, забитая затопленными итальянцами судами для предотвращения ее использования британцами...

Тем временем противник отступил в полном беспорядке в направлении Аддис-Абебы, но затем остановился и занял очень сильные оборонительные позиции в горах, в пункте Амба Алаги/Amba Alagi – это был последний рубеж, на котором закрепились войска [Герцога Аостского](#) (Duca d'Aosta), прежде чем их полностью окружили быстро наступавшие с юга южноафриканские войска. Наши войска уже заняли позиции севернее, и наш полк получил приказ переместиться на юг, чтобы усилить их. Оборонительные позиции итальянцев располагали платформами, врытыми в горные склоны. Пушки по соединяющим их тоннелям, пробитым под прямым углом к любым возможным направлениям атак, можно было выкатить на огневые позиции. Как только мы открывали ответный огонь, их просто закатывали обратно в тоннели. Поскольку эти пушки доставляли нам хлопоты, а их огонь наносил нам потери, полк пристрелялся к каждой из платформ, находившихся в пределах досягаемости наших снарядов.

Артиллеристы ведут огонь по позициям итальянцев в районе Амба Алаги

Должно быть, наши обстрелы нанес им кое-какой ущерб, потому что всего через несколько дней интенсивность их огня определенно поубавилась. Где-то в это время я почувствовал себя больным, словно меня скрутил грипп, и мне хотелось лишь прилечь где-нибудь. Офицер отправил меня в тыловой пункт первой помощи при штабе полка на медосмотр. Оказалось, что я заболел желтухой – к этому моменту моя кожа пожелтела, моча приобрела цвет Старого Эля/Yellow Jaundice, и меня постоянно мучили сильные головные боли. Меня отправили на лечение в госпиталь в Асмару, где я оставался и после того, как противник на рубеже Амба Алаги капитулировал. Я вернулся в полк все туда же, в окрестности радиостанции *Marina*. Мы пробыли там еще несколько недель и заняты были в основном сбором трофеевого снаряжения. Примерно в июне 1941-го мы получили приказ возвращаться в Египет для участия в боевых действиях в Западной Пустыне.

В июне 1941-го наши войска разгромили итальянцев и дошли до Эль-Агейлы/El Agheila – пункта в крайней южной точке залива Сирт/Sirte. Итальянцы получили подкрепления и готовились дать отпор наступающим, были также получены сообщения о том, что в Ливию прибыли большие силы немцев под командованием генерала Эрвина Роммеля (Erwin Rommel). Это были плохие новости, так как наша численность значительно уменьшилась: нам пришлось отправить часть наших войск в Грецию и на Крит, и, кроме того, наша бронетанковая техника сильно поизносилась в ходе быстрого продвижения на запад [в ходе операции Compass] и нуждалась в ремонте и техобслуживании. Мы отчаянно нуждались в подкреплениях, и в это время на пути из Великобритании находилась британская 1-я Танковая Дивизия, которая считалась одной из лучших во всей армии с точки зрения подготовки и оснащения. В тот момент наступило затишье в боях, что дало обеим противоборствующим армиям возможность перегруппироваться и реорганизовать для будущих сражений все доступные силы.

Высадившись в порту Туфик/Tufik, мы получили приказ проследовать в Александрию в обход Каира, после чего должны были повернуть на запад и двигаться по асфальтированной дороге к Мерса Матруху/Mersa Matruh. У небольшой железнодорожной ветки неподалеку от этого поворота мы съехали с дороги, идущей на юг, в пустыню, на протяжении примерно 20-30 миль, и остановились. Наш командир батареи собрал нас и сказал, что был получен приказ обустроить в этом пункте оборонительную позицию, которая со временем станет частью полосы укреплений, проходящей от побережья Средиземного моря до занятой непроходимыми пеками Каттарской впадины. Железнодорожная ветка, рядом с которой мы свернули с дороги, носила название Эль-Аламейн...

По счастью, мы провели за рытьем окопов лишь пару недель или около того, когда пришел новый приказ из Каира. Мы получили директиву оставить всю нашу технику в этом пункте, взять с собой только личные вещи и снаряжение, включая винтовки и боекомплект из 50 патронов, повесить на шею башмаки и отправляться на грузовиках в Александрию, где нам предстояло сесть на уходящие в море суда. Пункт назначения в приказе не упоминался. Вы можете себе представить, сколько было предположений и попыток угадать, когда каждый пытался переиграть в этом каждого. Все это было довольно забавным и помогало убить время...

ОТ ТОБРУКА ДО АЛАМЕЙНА – 1941-1942

Мы своевременно прибыли в Александрию и выгрузились у причалов в 17.00. У причала стоял австралийский эсминец *Nizam*, на который мы погрузились со всем своим личным снаряжением, получив приказ усаживаться на палубу, что мы и сделали. Дело было в июле, так что погода была жаркой, ночи были мягкими, хотя ветерок мог быть довольно холодным. Мы отплыли еще до наступления темноты, и австралийские моряки сказали нам, что путь наш лежит в Тобрук, где мы должны будем сменить австралийцев, которые находились там с апреля, когда началась осада, и которых отправляли на отдых по просьбе австралийского правительства. Нам предстояло получить их пушки и снаряжение, они покидали позиции только с личной выкладкой. По плану мы должны были прибыть в Тобрук около полуночи, так что большую часть пути предстояло пройти в темноте, в то время как мы находились в поле досягаемости бомбардировщиков Оси, а в море были вражеские подводные лодки. Мы должны были высадиться или на причалы, или на одно из притопленных в гавани судов, после чего австралийские солдаты погрузятся на эсминец и уйдут в Александрию. В случае выгрузки на притопленном судне нас должны были подобрать баржи. Поскольку гавань была излюбленной целью вражеских бомбардировщиков, нас попросили покинуть эсминец как можно быстрее, чтобы он мог отправиться в путь с грузом оззи (*прозвище австралийцев – BK*). Само по себе наше путешествие было приятным и спокойным, обошлось без бомб и торпед, и мы выгрузились на руинах какого-то судна, где стали дожидаться прихода баржи, которая подошла, когда уже наступил рассвет, и отвезла нас на берег. Там нас подобрали грузовики и доставили на артиллерийские позиции австралийцев. Австралийцы оказались отличными парнями, они были настроены дружелюбно, помогали нам и засыпали нас историями о жизни в Тобруке, начиная с апреля. Подробностей не помню, но все они были из Мельбурна, и, хотя мы оставались вместе с ними всего неделю, нам было очень жаль расставаться с ними...

Сам по себе Тобрук был открыт всем ветрам и присыпан песком, я не припомню никакой зелени где бы то ни было близ наших позиций. Ключевым пунктом была гавань, и все сфокусировалось вокруг нее, в том числе, бомбежки. Казалось, недостатка в питьевой воде не было, но вся она имела происхождение из морской воды, которая просачивалась во что-то похожее на артезианские колодцы, так что на вкус была слегка солоноватой, что сказывалось на всех горячих напитках, таких как кофе и чай. Когда пробовали ее первый раз, плевались, но потом привыкли, а мне она так даже стала нравиться. Гавань была довольно большого размера и по форме напоминала яйцо, северный и южный ее фланги были защищены высокими клифами, на востоке находился узкий вход, на западе – выход в сторону Дерны/Derna и далее. На северной стороне, между клифами и гаванью, находился сам город, вытягивавшийся на запад вдоль воды до своей окраины, где пересекались дороги из Дерны и Бардии/Bardia. В гавани на грунте сидело около 50 кораблей и судов, большая часть их надстроек торчала над водой. Крупнейшим из них был итальянский крейсер *San Giorgio*, притопленный у входа в гавань. Армия претендовала на его потопление огнем своей артиллерии, BBC заявляли, что это были их бомбы...

Пушки, которые мы получили от австралийцев, были произведены где-то в 1912-1916 годах и были похожи на те, которые использовались в Судане, когда мы впервые вступили в бой под Галлабатом. Они были сильно изношены, однако все еще были в боеготовом состоянии, так что мы стреляли из них, но на максимально возможное расстояние. Насколько я помню, все наши войска использовали разные виды пушек, многие из которых

были итальянскими. Мы стреляли из 18-фунтовок. Отделение A использовало итальянские 105-миллиметровки, С – итальянские 75-миллиметровки. Мне говорили, что Отделение E стреляло также из итальянских 105-миллиметровок, а D – из однотипных с нашими 18-фунтовок. На ранней стадии нашего пребывания авианалеты были довольно маломасштабными, и почти всегда противник бомбил гавань и город. Оззи (прозвище австралийцев – BK) оставили нам превосходно оборудованные огневые позиции и сангари, в которых мы жили. Они были вырыты примерно 5 футов в глубину и примерно 4 фута в ширину с, самой собой, обложенны брустверами из камней.

Вначале я был обособлен от моего расчета и получил назначение в специальное отделение в качестве водителя/запасного артиллериста, и моей работой, которая мне нравилась, стало поддержание коммуникаций между офицером НП, пехотной частью, которой мы оказывали огневую поддержку, и артиллерийской позицией нашего отделения. Офицера-наблюдателя и его помощника сменяли каждые три дня, и я должен был обеспечить их снабжение всем необходимым и собственно смену с точки зрения транспортировки. Время смены зависело от боевой ситуации, так как пушки должны были находиться в постоянной боевой готовности днем и ночью, и мой грузовик должен был быть постоянно припаркован рядом с НП, так что я, по сути дела, жил там. В моменты, когда можно было расслабиться, я помогал помощнику офицера, поскольку прошел курс подготовки и теперь нуждался в практическом опыте и инструктаже. Тем временем пехотинцев сменили, и на их позиции заступила [Польская Бригада](#). Я уверен, противник узнал об этом, или, возможно, поляки вели себя более агрессивно, чем оззи, потому что на какое-то время активность в этом секторе фронта возросла. Я всегда был на ногах рано, и одним утром, как обычно с осторожностью подходя к тому, в каком направлении перемещаться, я услышал гул самолета над нами и увидел FW-109, который, по-видимому, совершал разведывательный полет. Я видел, как он снизился до совсем небольшой высоты и преднамеренно пролетел всего лишь в нескольких футах над позицией пехотинцев. Поляки к этому времени зашевелились и открыли ружейно-пулеметный огонь по этому самолету, но их явно застали врасплох, и целились они плохо. Машина пролетела ярдах в 200 от меня над пехотой, и я отчетливо видел пилота, внимательно разглядывавшего наше расположение, в связи с чем по-армейски отсалютовал ему. Вскоре после этого противник подверг нашу позицию сильному обстрелу, и я остался весьма доволен тем, что у меня был такой надежный сангар.

Британские артиллерийские позиции. Тобрук, 1941

Так вот случилось, и я думаю, что сделано это было в отместку за мои поднятые вверх в виде буквы V пальцы (*этот жест в случае, если ладонь повернута вовнутрь, означает презрение и вызов – ВК*). Вскоре после этого поляки, к которым прибыли их артиллеристы, сменили нас у наших пушек, в связи с чем мы перебрались на новое место в центральный сектор линии обороны. Мы оставили все наши пушки и все снаряжение полякам и разместились там, где их также оставили австралийцы. Наша новая позиция находилась примерно на дороге на Эль-Адам/EI Adam примерно в 6 км от ее пересечения с дорогой на Бардию и от места, где находился загон для пленных. Пехота, которую мы поддерживали, была представлена австралийским Батальоном 2/13, который вот-вот должен был погрузиться на суда последнего конвоя, уходившего в Александрию. Конвой [на пути в Тобрук] был атакован противником, одно судно было потоплено и еще одно сильно повреждено, так что он повернулся назад, и австралийцы, поджидавшие его на причалах, вернулись на свои позиции, находившиеся напротив нас...

Австралийцы предупредили нас о том, что этот сектор обороны был излюбленным местом танковых атак *Африканского Корпуса*, и о необходимости постоянно быть в полной боевой готовности. Напротив позиции пехотинцев и левее ее находился старый НП, построенный в прошлом итальянцами – это было большое деревянное сиденье, закрепленное на высоком, врытом в землю столбе. С него хорошо просматривалась *ничья земля*, и это была идеальная точка, с которой можно было разглядеть вражеский танк и связаться по полевому телефону с НП артиллеристов. Да, вы угадали, меня с одним из пехотинцев отправили туда, чтобы мы с ним по очереди вели с этого сиденья наблюдения. Никогда в жизни я не чувствовал себя столь уязвимым и одиноким, как там. У меня было такое чувство, будто каждый военнослужащий *Африканского Корпуса* смотрел на меня, и я ожидал прилета снаряда каждую секунду. Однако шли послеполуденные часы, подошло излюбленное противником время для атаки, потом наступил вечер, а атаки так и не случилось. Потом нас отзвали, и больше мне этого делать не пришлось – командиры обнаружили, что каждый раз, когда подходило мое время идти туда, я был чем-то занят. В итоге меня снова отправили в артиллерийский расчет, поскольку наш НП переместился на другое место, а от нас часто запрашивали огонь для поддержки пехоты. Мы, само собой, крепко подружились с пехотой: они считали, что всегда могут получить от нас быструю и эффективную поддержку, а мы, со своей стороны, чувствовали себя в полной безопасности, зная, что они занимают позиции перед нами и что мы можем спокойно спать ночью, и никто не сможет просочиться через их линию. В нескольких случаях противник обстрелял наше расположение, стараясь, если удастся, подавить наши пушки, поскольку мы были у него бельмом в глазу, но он так и смог точно выяснить наше расположение.

В моем расчете был парень, с которым у меня не заладились отношения, так как он продолжал нападать на меня из-за моих религиозных убеждений. Сам он был неверующим, смеялся над церковью, над верой в бога в целом и моей верой в частности, и так продолжалось довольно долго, но ни разу не переросло в мордобой, поскольку сержант пригрозил, что даст мне возможность расквитаться с ним на ринге, если он не остынет. Он это сделал, да и был и несколько меньшего размера, чем я. Так или иначе, в тот день, в тот момент мы не вели огонь, а все дружно отдыхали в нашем главном сангара, который использовался, когда мы стояли в полной боевой готовности. Неожиданно на нас посыпались снаряды больших и не очень больших калибров, земля содрогнулась, и крышу сангара тряхнуло, после чего на нас посыпались камушки и песок. Мы все услышали, как очень близко к нам разорвался тяжелый снаряд, в результате чего на нас обрушилось облако пыли и камней. Потом я услышал еще один тяжелый глухой удар и увидел, как обвалился угол крыши сангара, но взрыва не последовало. Случилось так, что в этот момент я взглянул на своего антагониста, и в это же мгновение он посмотрел на меня. В эту секунду я уже знал, что он молится, и по его глазам я мог сказать: он знает, что я знаю, что он произносит молитву, и тут он улыбнулся мне. С того дня он прекратил наезды и насмешки, и наши отношения заметно улучшились. После того, как обстрел утих, я вышел из сангара, чтобы посмотреть, с чем был связан этот сильный удар, и обнаружил, что тяжелый 110-мм снаряд своим краем приземлился на крышу в ее углу, но не разорвался. И в самом деле, всемогущий господь в тот день позаботился о нас...

В другом случае, на той же позиции, я, как обычно, был в расчете пушки №.1, и мы только-только прекратили поддерживающий пехоту огонь, когда сами попали под артобстрел. Мы не могли оставить наши пушки, потому что приказа *перевести дух* от старшего офицера позиции не было, поэтому мы просто присели на колени за щитами наших пушек. Обстрел не был продолжительным, но один из последних снарядов разорвался между нами и пушкой №.2 где-то в 20 ярдах слева от нас, подняв в воздух облако песка и камней. Я был ближе всех к их расчету, поэтому прокричал: «У вас все в порядке?», но ответа не последовало, так что, когда обстрел прекратился, я бросился к ним, и, когда приблизился, парни встали на ноги и стали сигнализировать и кричать, что все прекрасно и никто не пострадал. Я уже было собрался повернуть назад, когда обстрел возобновился, так что я быстро огляделся в поисках укрытия. Я увидел вход в сангар слева от себя, ярдах в пяти от орудийного окопа, поэтому, даже не раздумывая, нырнул в него (как ныряют в плавательный бассейн) и, по счастью, он оказался пустым. Когда обстрел утих, я попытался выбраться из него, но обнаружил, что не могу этого сделать, потому что мои плечи слишком широки для этого. Тот, кто строил его, использовал старую оконную раму в качестве дверного проема, и пролезть через нее я никак не мог. В итоге парням из расчета пушки №.2 пришлось меня откапывать под смех и шутки окружающих...

Жизнь в Тобруке продолжалась со случавшимися время от времени авианалетами и артобстрелами, но без серьезных попыток противника взять город. До нас доходили сведения, что [Клод Окинлек](#) (Claude Auchinleck), бывший генерал Индийской армии, принял на себя командование и готовит новое наступление в ближайшем будущем. Изнурающая летняя жара стала сменяться более прохладной осенней погодой, и, когда в ноябре официально началась зима, мы из прошлого опыта знали, что в это время начинаются наступления. И правда, в это время, в начале ноября, силами 8-й Армии началась [операция Crusader](#). Она была нацелена на снятие осады с Тобрука и попутный разгром большей части сил противника. Однако с самого начала все пошло не совсем так, как было запланировано, и некоторые наши формирования понесли тяжелые потери. Основные узлы обороны противника были обойдены, чтобы позднее быть защищенными. Несмотря на большую концентрацию наших танковых сил выяснилось, что наши вооруженные двухфунтовками боевые машины в огневой мощи по-прежнему уступают немецким *Pz III* и *Pz IV*, оснащенными 75-мм пушками. В этом плане мы смогли сравняться с ними только с прибытием на фронт танков *Грант/Grant* в 1942 году и, позднее, в том же году, танков *Шерман/Sherman*. Ну а тем временем нам приходилось обходиться тем, что было под рукой. Это было главной причиной тяжелых потерь, понесенных [южноафриканцами под Сиди-Резегом/Sidi-Rezegh](#), всего в 20 милях от оборонительного полукольца Тобрука. Наши войска, осажденные Тобруке, перешли в массированную атаку навстречу наступающей 8-й Армии, но с нашими ограниченными ресурсами их действия оказались не столь эффективными, как ожидалось, хотя сделали они все, на что были способны. Мое отделение располагало лишь двумя 1 - 1 ½-тонными грузовиками для буксировки пушек, которые были сильно изношены, так что мы были лишены возможности передвигаться куда-либо...

Осада с Тобрука была снята, и мы получили приказ вывезти все наши пушки с текущих позиций на парковку Корпуса Инженеров-Электриков и Механиков/Royal Electrical and Mechanical Engineers (R.E.M.E.) Тобрука для дальнейшей отправки в Каир. Мы должны были получить новые 25-фунтовки сразу после их доставки. В соответствии с этим, я, будучи старшим артиллеристом, при том, что под рукой не было подофицеров, получил приказ доставить пушки одну за другой на парковку R.E.M.E. Мне дали в подчинение шестерых человек. Занятие это было довольно приятным, во всяком случае, более приятным, чем уборка территории на позиции. Наши австралийские пехотинцы тем временем получили приказ возвращаться в расположение своей дивизии, в дельту [Нила], и мы все с сожалением расставались с ними. Переброска пушек заняла примерно пару дней из-за того, в каком состоянии находился грузовик, который я использовал, и в последний день, на пути назад, имел место смешной случай. В период осады в плане снабжения мы полностью полагались на конвои и тихоходные лихтеры, так что шансов приобрести какие-то роскошности сверх нормы, такие как шоколад, сигареты,

прохладительные напитки и т.п., у нас не было. Поэтому полнейшим сюрпризом для нас стало обнаружение на обочине дороги довольно большого грузовика с буквами N.A.A.F.I. на борту (*Navy, Army and Air Force Institutes* – британская государственная компания, занятая организацией отдыха военнослужащих и продажей им различных товаров – ВК). Я немедленно остановил свою машину рядом с ним и вышел из кабины, чтобы посмотреть, кто тут у них старший. За мной последовали мои парни. Оказалось, что старшим был сержант, и я попросил его открыть кузов, потому что мы хотели купить себе кое-что. Он изумил нас, заявив, что не может открыть свою машину для нас, поскольку может продавать товары только бойцам с передовой, а не тыловикам. Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы остановить своих ребят, готовых наброситься на него. После того, как я сказал ему, кто мы и чем занимались раньше, он нашел в себе силы извиниться и открыл нам доступ к товарам. Прошу отметить: я объяснил ему, что если он не сделает это, я снимаю с себя ответственность за поведение моих людей или за состояние его грузовика после того, как мы зайдем им. Так что мы сделали покупки и поехали дальше, думаю, к большому его облегчению...

Со временем мы получили все полагающееся нам оборудование, после чего нам приказали как можно быстрее переместиться в Бенгази. К тому времени 8-я Армия оттеснила противника назад к Эль-Агейле, после чего ей пришлось остановиться, чтобы приступить к перегруппировке и ждать получения подкреплений. Это дало противнику время сделать то же самое, а их линии коммуникаций стали гораздо короче, чем наши, что также давало ему преимущества, чем он не преминул воспользоваться в полной мере. И снова немцы под командованием Эрвина Роммеля оказались в боевой готовности первыми, снова атаковали и снова застали наши войска врасплох, вынудив их поспешно отступить по тем же дорогам, по которым мы недавно наступали. Генерал Окинлек назначил командующим 8-й Армией генерала Нила Ритчи (Neil Ritchie), и никто из тех, с кем я разговаривал, ранее не слышал об этом джентльмене, но вскоре нам предстояло узнать, что это был самый бесполезный генерал в Британской армии. Тем временем, едва мы тронулись путь в направлении Бенгази, прежний приказ был отменен, поскольку его должны были оставить, поэтому нам приказали немедленно проследовать в Барку/Barce – небольшой городок, расположенный на полпути к Бенгази, но все еще на плато, а не под его уступом близ побережья. Мы должны были занять оборону на южной дороге, идущей через Джебель Ахдар/Djebel Achdar – платообразную возвышенность, вытянутую от Барки в направлении приморского города Дерна/Derna.

Прибыв в Барку, мы разместили артиллерийские позиции по обе стороны дороги. Мое отделение *B* оказалось к северу от нее вместе с отделением *A*, *C* и *D* – к югу. Я не помню, где разместились *E* и *F*. Мы поддерживали пехотную роту Камеронских Горцев/Cameron Highlanders, которые заняли позиции на гряде, на ощутимом расстоянии впереди нас. Перед ними была еще более высокая грязь, которая была хорошо видна с нашей позиции. Эта грязь приобретет большую значимость в предстоящем бою, поскольку Камеронцы, понятное дело, окопались на обращенном в нашу сторону склоне своей менее высокой грязи.

Шум моторов обозначил приближение вражеского авангарда, и мы услышали треск ружейно-пулеметного огня, когда находившиеся на передовой линии Камеронцы вступили в бой. От них мы получили сообщение о том, что немцы спрыгивают со своих машин, чтобы пойти в атаку, и где-то в это время мы открыли огонь по ним, застав их врасплох. Потом пришло сообщение, что противник немного отошел, чтобы перегруппироваться для атаки, так что мы несколько увеличили дальность стрельбы и накрыли их участок концентрации сил. Затем случилось невозможное: немцы, по какой-то неизвестной причине, пошли вперед вверх по склону, чтобы перевалить через гребень и перейти в штыковую атаку на позиции Камеронцев. Наши расчеты получили приказ стрелять прямой наводкой и целиться по полосе, расположенной ярдах в 20 за гребнем, что наши наводчики и сделали, когда немцы появились в поле зрения. Теперь снаряды 25-фунтовок стали рваться с разлетом осколков на 35 ярдов вперед и 10 ярдов назад, так что немцы понесли тяжелые потери еще до того, как приблизились к линии обороны, где их поджидали пулеметы и

Камеронцы с примкнутыми штыками. Что и говорить, все атаки противника были отбиты с большими для него потерями, пока он не прекратил их и не перешел к обороне на ночное время. Мы продолжали сдерживать немцев и на следующий день, но пришла информация о том, что они вызвали бронетехнику, которая обходит наши позиции с юга, где у нас не было людей, чтобы выйти нам в тыл – обычная их тактика – так что мы в темное время суток снялись с позиций. Затем мы всю ночь и часть следующего дня были в пути под прикрытием пехоты и вступали в бой, когда противник подходил слишком близко. Так мы добрались до Газалы/Gazala, где присоединились к остальным нашим войскам. На этой линии мы попытались дать немцам бой, но эта так называемая линия существовала только на бумаге, а на самом деле представляла из себя серию так называемых узлов обороны с пустотами между ними. Они и в прошлом оказывались смертельными ловушками, и солдаты считали плодами тупости в виду их уязвимости по отношению к ударам панцеров. По счастью, верховное командование наконец-то осознало это и решило создать улучшенную линию обороны, протягивающуюся на 50 миль от Тобрука на побережье до Бир-Хакейма/Bir Hacheim на юге. Наш полк получил приказ окопаться на участке Бир-эль-Хамат/Bir-el-Hamat, расположенному в 15 милях севернее Бир Хакейма. Мы добрались до него и закрепились там. Тем временем немцы растянули свои линии транспортных коммуникаций до такой степени, что им пришлось остановиться и перегруппироваться, в связи с чем наступило временное затишье.

Все мы знали, что это затишье будет временным, и что раньше или позже одна из сторон окажется достаточно сильной, чтобы начать новое наступление. Нам сообщили, что на пути из Великобритании находятся значительные подкрепления, но до их прибытия и отправки на фронт большого количества техники и танков мы не сможем перейти в атаку, и нам придется просто беспокоить противника с максимально возможной интенсивностью и с помощью того, что есть под рукой. Было принято решение высыпать вперед с этой целью рейдовые (Jock) колонны. Такая колонна состояла из артиллерийской батареи, пехотной роты, батареи зениток *Бофорс/Bofors*, противотанковой батареи, ремонтной и санитарной частей. Ударной силой, само собой, являлись 25-фунтовки. Концепция использования колонны заключалась в просачивании через линию фронта, что не представляло из себя трудности, дальнейшем повороте на север или на юг и поиске целей для уничтожения. В случае встречи с панцерами вступление в бой предполагалось только в том случае, если возникла прямая угроза, но планировался поиск более легких целей, таких как склады или транспортные колонны, после нанесения удара по которым предполагались выход из боя и исчезновение в пустыне.

Враг противодействовал этому виду активности атаками *Штука*. Наша батарея была отбрана для первого рейда такой колонны с *Камеронцами* в качестве пехотной составляющей. Это оказалось неплохой забавой, и мы нашли несколько целей, которые были атакованы с неоднозначными результатами. Несколько раз мимо нас пролетали *Штуки*, и я хорошо помню, как однажды я возвращался в наше расположение с грузом снарядов в кузове моего грузовика, когда увидел самолеты, летящие в группе для того, чтобы отбомбиться по позициям наших пушек, которые вели огонь по застигнутой нами врасплох немецкой колонне с грузами. Я остановил грузовик и стал смотреть, как проходит бомбежка, надеясь, что летчики не заметят мою машину. Все это сильно напомнило мне времена осады Тобрука, когда в нескольких случаях я был одной из их целей. В итоге *Штуки* завершили свой рейд и улетели, и я тронулся в путь к нашим позициям, где обнаружил, что ущерб был минимальным и попаданий в пушки не было, хотя людей слегка тряхнуло. Несмотря на имеющуюся репутацию, *Штука* была самым неточным оружием...

Вскоре после этого нам сообщили, что нас в Бир-эль-Хамате сменит 50-я Нортумбрийская/Northumbrian Дивизия, а сами мы отправимся на отдых где-нибудь в районе *Дельты* (так солдаты часто называли район Александрии-Каира – ВК). К тому моменту мы непрерывно были в боях около 9 месяцев и были настроены на отдых, так что в наших рядах царило возбуждение. Мы покинули линию фронта и тронулись в путь в направлении Палестины, перебрались через Суэцкий канал и получили приказ проследовать в Ирак, на авиабазу Хаббания/Habbaniyah, расположенную близ Багдада.

Мы перебрались через реку Иордан между Галилейским озером и Мертвым морем, объехав Иерусалим с юга, а потом направились на восток, в сторону Иордании, после чего стали продвигаться вдоль нефтепровода, через песчаную пустыню к Багдаду. Дорога заняла несколько дней, но ночлеги не представляли сложностей, потому что мы просто съезжали с дороги и ложились спать на песок рядом с грузовиками.

Хаббания оказалась прекрасным местом, очаровательным оазисом посреди океана песков. Она была занята частями Королевских ВВС, которые провели там несколько лет и организовали проживание для семейных и офицеров, столовые и разнообразные закусочные, клубы и пр., и пр. Для не связанного с ВВС персонала была отведена большая площадь в стороне. Именно там мы расположились с превеликими удобствами в палатках! Мы должны были оставаться там не дольше трех недель, но за этот время я был послан в командировку из Багдада в Киркук, потом в Мосул, потом назад в Багдад. Это была скучная поездка, но мне было интересно увидеть основные нефтяные прииски Ирака. Мне также удалось с другими парнями провести день в Багдаде и осмотреть его. Я не помню многое из того, что увидел в городе, потому что времени было мало, но мы нашли *Bullshit Alley* – довольно узкую улицу, по обеим сторонам которой находились лавки жестянщиков, производивших пепельницы, подсвечники и т.д. Я взял в руку один кусочек металла, используемых для этого, и обнаружил, что это была часть канистры, в которых нам в пустыню доставляли горючее для грузовиков.

В период нашего пребывания в Хаббании мы следили за событиями в Западной Пустыне. Наши радисты все время настраивались на волну новостей, и мы понимали, что положение становится крайне сложным. Тобрук пал, наши потери в танках стремительно росли, и теперь дело выглядело так, что наши войска ведут ожесточенные арьергардные бои и медленно отступают к [ливийско-египетской] границе. Так что для нас не стало сюрпризом то, что мы получили приказ проследовать с максимальной скоростью назад, в Западную Пустыню, со всей техникой, готовой к бою. Во время обратного путешествия через Палестину и Египет конечный пункт назначения менялся несколько раз, последним стал Аламейн, где мы когда-то помогали строить оборонительные позиции, прежде чем 10 месяцев назад отбыть в Тобрук.

Мы продвигались быстро и останавливались лишь для того, чтобы поспать несколько часов и заправиться. Положение в тот момент показалось мне немного хаотичным, но мы надеялись на то, что утром все будет лучше. На следующий день пришел офицер из 149-го Противотанкового Полка, чтобы встретиться с нашими полковыми штабистами и попросить у них подкреплений, так как он потерял в Тобруке одну из батарей. Ожидаемые им подкрепления были в пути со складов, но должны были прибыть не раньше, чем через неделю или около того, а остатки 149-го Полка находились на позиции в юго-западном углу позиции, занимаемой южноафриканцами – остатками их 1-й и 2-й дивизий, находившимися в прибрежном секторе фронта. Положение у него было таковым, что у него были пушки, но было слишком мало людей, чтобы сформировать расчеты. Предполагалась, что переданные нами силы будут в его распоряжении до прибытия подкреплений, а потом наши люди вернутся в полк. Я переговорил с этим офицером и в результате вызвался на такое перемещение добровольно, в связи с чем покинул свой полк в тот же день, был повышен в звании до бомбардира и назначен старшим расчета одной из 6-фунтовок. Мой расчет состоял из молодых, но знающих дело парней. Они прибыли из Великобритании за несколько месяцев до этого, и только один из них пробыл в полку около года, так что я оказался среди них самым опытным. Офицер был где-то моих лет и провоевал в пустыне примерно столько же, сколько и я. Он побывал в составе той же рейдовой колонны, что и я, хотя там мы не пересекались, но это помогло нам наладить тесный контакт друг с другом. Итак, мы стали дожидаться атаки противника, которая, как мы знали, была не за горами.

Насколько я помню, дело было в середине июня 1942 года, когда немецко-итальянские войска под началом генерала Роммеля атаковали наши позиции под Аламейном, проведя сначала разведку боем, высматривая слабые места в нашей обороне. Он, должно быть, получил довольно горячий прием со стороны южноафриканцев в нашем секторе, потому

что начал обходить нашу позицию и не стал атаковать в лоб, как ожидалось. Слева от нас (к югу) находился большой просвет в нашей линии, потому что новозеландцы, которые должны были занять в нем позиции, были задержаны и не прибыли на место вовремя, так что противник энергично ворвался в эту брешь, рассчитывая полностью окружить наши позиции. По счастью, прежде чем он сделал это, прибыли свежие части и остановили его продвижение на достаточно долгий срок, чтобы дать *киви* (прозвище новозеландцев – ВК) время на выдвижение к передовой и на то, чтобы отогнать противника и стабилизировать положение. Должен сказать, что весь мой расчет вздохнул с облегчением, потому что последние две-три ночи мы видели, что линия соприкосновения продвигается за наши спины, уходит в направлении моря, останавливается и потом снова откатывается на запад. Как только *киви* закрепились рядом с нами, мы почувствовали себя намного комфортнее. Оказалось, что противник чрезмерно растянул свои коммуникации, стал испытывать нехватку жизненно важных материалов, в особенности горючего, и был вынужден отступить и перегруппироваться. Было очень жаль, что мы не были в состоянии контратаковать большими силами в тот момент...

Первое сражение под Эль-Аламейном. Британские артиллеристы

В период затишья в боях командир моего отделения (его имени я не помню) говорил со мной много раз о возможности производства в офицеры, и, если бы меня это заинтересовало, он мог бы дать мне рекомендацию. Конечно, интерес у меня был и немалый, и я положился на него. Уже вскоре наш полк посетил командир Корпуса Королевской Артиллерии в ходе поездки на линию фронта. Он отвел меня в сторону и спросил мое мнение на предмет производства в офицеры, другими словами, проинтервьюировал меня и перед отъездом сказал, что посмотрит, что сможет для меня сделать, поскольку я был рекомендован командирами отделения и полка. Так случилось, что всего через несколько дней я получил тяжелую травму в результате несчастного случая: загорелась канистра с бензином, и я получил серьезные ожоги ног, особенно правой, обеих колен и кистей обеих рук. Наш фельдшер перевязал меня и отправил в тыловой госпиталь в Каир поездом Красного Креста. Я попал в британский армейский госпиталь, расположенный в окрестностях Каира. Он состоял из палаток, врытых в песок примерно на 3-4 фута. Полы были залиты бетоном, стены сложены из кирпича на высоту примерно 4 фута.

Медсестры были членами Палестинской Территориальной Армейской Службы/Palestinian Territorial Army Service - A.T.S., все они были белыми и преимущественно еврейками. Там я встретил весьма привлекательную французскую девушку, которая находилась здесь в

отпуске, когда началась война. Ей пришлось остаться, и она записалась в А.Т.С. Она не слишком хорошо говорила по-английски и проводила много времени в беседах со мной на французском языке. Мне это очень нравилось, поскольку это не только позволяло мне практиковаться во французском языке, но и ставило меня несколько выше остальных парней в нашей палатке. Ее имени я не помню. Она была поставлена присматривать за нашей палаткой, так что у нас была масса возможностей вести разговоры, и, само собой, мне приходилось выслушивать множество комментариев, особенно со стороны *оэззи, киви* и, понятное дело, англичан, по поводу наших отношений. Как-то утром она не пришла на работу, так что все парни стали спрашивать меня, что такого я сделал с ней предыдущей ночью, из-за чего она не пришла на службу, и на это у меня, конечно, ответов не было. Когда пришла старшая сестра, они спросили уже ее, на что она ответила: «У нее не в порядке с животом.» Ну, это они и только и ждали, и посыпались куда более грубые комментарии...

Был еще случай, когда одного *киви* прооперировали на предмет геморройных шишек. Его койка была рядом с моей, так что его после этого принесли и положили на койку в бессознательном состоянии и под воздействием обезболивающих средств. Через какое-то время он пришел в сознание, все еще под влиянием последних, а старшая сестра находилась в палатке и была занята сменой бинтовых повязок. Парень начал ругаться и проклинать хирурга, приговаривая: «Мне чертовски больно – клянусь, этот долбаный ублюдок отрезал не ту хреновину», и так продолжалось, пока сестра не залилась краской и не ушла из палатки: она была здесь единственной женщиной, а мужики ржали что есть мочи, хотя и чувствовали себя неловко из-за этого. Мы были приятно удивлены, когда она уже вскорости вернулась, и, когда парни стали извиняться за поведение того малого и его лексикон, она ответила, что, хотя все это выглядело в тот момент неловко, тот парень не давал себе отчет в том, что несет, а с ней такое случалось и раньше.

Через несколько дней после этого я был выписан из госпиталя и вернулся на базу в пункте Алмаза/Almaza, чтобы потом отправиться к себе в часть. Однако по прибытии мне сообщили, что был получен приказ, согласно которому я пока остаюсь здесь, потому что в дальнейшем должен буду отбыть в офицерскую школу для прохождения курса подготовки (Officer Cadet Training Course), который начнется в сентябре в Акре/Akre (*ныне Акко, Израиль – ВК*) близ Хайфы. Шла середина августа, так что я оставался в административном штабе базы, пока не отбыл в Акре с еще 30 кандидатами для прохождения двухмесячного обучения.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА И ИТАЛИЯ – 1943-1945

Курс обучения был трудным и суровым. Нас всех лишили ранее полученных лычек, и все мы превратились в курсантов. Нас в индивидуальном порядке называли *кадетами*, всех вместе – *джентльменами*, в личном общении говорили *сэр*. Знаков различия мы не носили, и, пока не был сдан выпускной тест, мы носили на головных уборах белые ленты, которые должны были постоянно оставаться чистыми. Все мы были из разных полков Британской армии, состоявшей из парней из Соединенного Королевства, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, все курсанты были белыми.

Мы были заняты обучением с момента утреннего построения пока не выключат свет. В столовой мало что продавали, и, что касается меня, я к вечеру чувствовал себя слишком усталым, чтобы думать о том, куда бы сходить выпить, тем более что нам также самим приходилось чистить наши пряжки, бляшки и кожаные вещи. 2-3 раза в неделю кто-то из инструкторов заходил в казарму и называл несколько фамилий тех, кто должен был немедленно явиться в офис. Очень скоро мы узнали, что эта процедура, которую все боялись, касалась тех, кого отчисляли как негодных к производству в офицеры и отправляли в части. К концу курса мы прошли через несколькоочных учений, в ходе которых нас разделяли на небольшие группы, соревновавшиеся друг с другом, - это было забавным. В конце курса я оказался одним из тех, кому повезло: в ноябре я был выпущен и отправился на трехмесячный курс интенсивной подготовки на базу Королевской

Артиллерии/Base Depot Royal Artillery (B.D.R.A.), в Алмазу, расположенную в окрестностях Каира.

Мне это было куда больше по душе, так как я находился в своей среде, снова рядом с пушками. Здесь мы изучили все аспекты артиллерийского дела. Будучи перспективными офицерами для полевых и противотанковых батарей, мы провели много стрельб из 25-фунтовок, и, в меньшей степени, из новых 17-фунтовок и противотанковых 6-фунтовок. Я был вполне доволен пройденным курсом и был выпущен в звании 2-го лейтенанта Королевской Артиллерии 3 марта 1943 года, после чего получил двухнедельный отпуск, который провел в Александрии, поскольку услышал, что наша первая линия – 92-й Полк Полевой Артиллерии (Сассексские и Саррейские Йомены), в котором служил мой лучший друг со времен работы в банке, один из тех первых пяти, кто поступил на службу в Территориальную Армию непосредственно перед войной, - Тедди Хикс (Teddy Hicks), находился в составе 44-й Дивизии, дислоцированной бил Александрии. Я встретился с Тедди, мы хорошо провели отпуск вместе, хоть он и был старшим подофицером, а я уже офицером, и нам приходилось соблюдать осторожность из-за жесткой сегрегации, внедренной в армейскую среду. В следующий раз нам доведется увидеться только после войны...

По возвращении на базу в Каире, я был вызван в офис и проинформирован о том, что имеется свободная должность младшего офицера, свободно говорящего по-французски, и нет ли у меня интереса к этому. Я принял это предложение и после интервью получил эту позицию. Речь шла о службе в составе Бригады Свободной Франции, которой командовал генерал [Мари Кёниг](#) (Marie-Pierre Koenig) и которая сражалась [под Бир-Хакеймом](#), а теперь находилась на отдыхе в Зуаре/Zuara близ Триполи, на границе с Тунисом. Французы подчинялись Британской армии, которая должна была переоснастить их британскими техникой и снаряжением, и я стал частью группы, которая должна была обучить их использованию 25-фунтовок. В группу вошли командир - полковник Роден Хоэр (Rawden Hoare), 1 майор, 2-й лейтенант (я), 1 сержант и 6 солдат (двое водителей, 1 связист и 3 денщика). У нас были одна штабная машина и 2-хтонный (1x15cwt) грузовик.

После завершения подготовки и сборов мы отбыли в расположение французов. Путешествие прошло без особых событий и заняло около недели: мы не торопились, на некоторых участках фронта шли тяжелые бои, и мы просто ползли на небольшой скорости. Мы прибыли на место и для проживания получили палатки. Генерал Кёниг не говорил по-английски, полковник Хоэр – по-французски, хотя довольно скоро я понял, что оба они немного понимают языки друг друга. У Кёнига с этим было лучше, чем у Хоэра, так что меня всегда вызывали, когда они встречались друг с другом. Исключением были офицерские совещания, когда, слава богу, присутствовал официальный переводчик, русский уорент-офицер из [Иностранного Легиона](#). Мы также обнаружили, что еще один франкововорячий британский офицер, капитан, уже прослужил какое-то время советником, так что полковник стал пользоваться и его услугами в полной мере.

Линия фронта на тот момент была не так далеко от нас: 8-я Армия теснила противника медленно, но безостановочно, в сторону мыса Бон, вышла на рубеж близ Габеса/Gabes и столкнулась с нарастающим вражеским сопротивлением. Тем временем британская 1-я Армия тоже делала свое дело и теснила противника в сторону мыса Бон уже с запада, но попадала под контрудары и несла тяжелые потери частично из-за появления новых немецких танков – Тигров. Это были монстры, которым 1-я Армия не знала как противодействовать. Американская 7-я Армия, которой командовал [генерал Паттон](#) (George Patton), проявила себя не с лучшей стороны и стала обузой в ходе наступления на восток. На [Кассеринском перевале](#) американцы были застигнуты врасплох меньшими по численности силами Оси в момент заправки танков и бежали сломя голову, бросая технику и снаряжение. Немцы дозаправили [захваченные] танки, и, поскольку Шерманы/Sherman были в боеготовом состоянии, уселись в них и тронулись вперед, чтобы встретить наступающую британскую 7-ю Танковую Дивизию, тоже оснащенную Шерманами. Британцам ранее сообщили о возможном появлении в любое время американцев с

Шерманами и их большими белыми звездами на башнях. Само собой, когда они увидели приближающиеся танки, они приняли их за танки американской 7-й Армии, остановились и выбрались из своих машин, чтобы поприветствовать союзников. Можете себе представить их изумление, когда «американские» танки открыли по ним огонь, в результате чего было потеряно несколько машин и жизней. После этого у нас сложилось довольно невысокое впечатление о боеспособности американских войск...

Тем временем наш полковник и его люди осуществляли тренировочные программы, и я получал удовольствие от статуса главного доверенного лица/general factotum в этом расположении. Он оставлял мне много свободного времени. Здесь я встретился с большинством французских генералов бригады [Де Голля](#) (Charles de Gaulle), и, когда он сам прилетел, чтобы проинспектировать бригаду, меня лично представил ему генерал Кёниг, который сказал по-французски следующие слова: «Вы можете говорить с ним по-французски – он вас поймет», что тот и сделал и имел со мной короткую беседу, спрашивая, кто я и что я.

Я думаю, Де Голль, должно быть, имел какое-то влияние в определенных вещах, потому что вскоре после его визита бригада и мы в том числе получила приказ собираться и отправляться на фронт, на участок близ Энфидавиля/Enfidaville, чтобы поддержать 8-ю Армию в ее финальном рывке к мысу Бон. Я знал, что все французы горят желанием снова вступить в бой, поскольку хотят присутствовать при окончательной капитуляции Африканского Корпуса, – по этой причине я подозревал, что слово Де Голля имело вес при принятии решения о переброске французов на фронт. Бригада тронулась в путь без особых промедлений, и мы последовали за ними, выбирая для этого время и путь, так как наша деятельность была на время приостановлена. Тем не менее, когда бои закончились, противник полностью капитулировал в районе мыса Бон и осела пыль, полковник получил приказ распустить нашу группу. Переоснащение и обучение *Свободных Французов*, представленных как силами Де Голля и генерала [Леклерка](#) (Philippe Leclerc), так и силами, находившимися в северной Африке и желающими присоединиться к ним, переходило под контроль американцев. Они должны были инкорпорировать всех французов в свои вооруженные силы в качестве танковой дивизии. Но все это только предстояло сделать в будущем, так что наши услуги больше в тот момент были не нужны, и я вернулся на базу в Алжире, чтобы получить новое назначение.

Ожидание заняло какое-то время, но в дальнейшем я услышал, что мой прежний 149-й Противотанковый Полк все еще находится в составе 4-й Индийской Дивизии, сражается под [Монте Кассино](#) и участвует в осаде монастыря. Я подал заявление на возвращение в свой полк в качестве офицера, что было утверждено. Я прибыл под Кассино ближе к концу февраля 1944-го и обнаружил, что полк стоит на позиции к северу от монастыря и теперь стал частью недавно сформированного Новозеландского Корпуса, в который входят пехотная дивизия и танковая бригада...

... Местность здесь была гористая, и противотанковые пушки были тут практически бесполезными, так что полк был на время оснащен вместо них 4.5-дюймовыми минометами и приступил к обстрелу защитников монастыря, когда это требовалось. Меня благожелательно приняли обратно в полковые ряды и поставили командовать Отделением С, в обычное время имевшим на вооружении 17-фунтовки, а теперь, понятное дело, – минометы. Отделение было размещено между скал, в узкой расселине, и было хорошо защищено, поскольку минометы могли вести огонь под большим углом возвышения в отличие от полевых и противотанковых пушек. У меня в подчинении были один сержант – мой заместитель – и 26 прочих чинов. Мой КП находился на дальнем конце этой расселины, здесь же была радиостанция и место, где я спал. Мои парни хорошо обустроили эту позицию за время пребывания на ней и сумели сделать для нее крышу, которая не только прикрывала от камней и осколков, залетавших к нам во время обстрелов, но также защищала от дождя благодаря наброшенным на нее старым плащ-палаткам. Я провел на ней всего несколько часов, пока не начался первый минометный обстрел со стороны монастыря, малоприятный, но неточный, так как они хоть и знали местоположение участка,

на котором мы находимся, точных данной о нашей позиции не имели. Дело было в марте, погода стояла холодная и самая что ни на есть дрянная, но противнику, вероятно, приходилось еще хуже, чем нам. Из-за холодной и ветреной погоды и понесенных в результате собственной бомбардировки и последующей неудачной атаки потерь, хоть и достигнув некоторого успеха в боях за город Кассино, Новозеландский Корпус уменьшился в численности до соединения, способного лишь удерживать позиции. Это, по сути, вынудило отложить запланированное наступление на монастырь и привело к переброске в наш сектор резервов – 78-й Дивизии. Атака задержалась на три недели, пока становилось все более холодно, сырое и ветрено, но, оставаясь на открытых позициях, войска несли необоснованные потери, которые росли с каждым днем.

Британские минометчики под Кассино

Таким было положение, когда я прибыл на место, и несмотря на потери людей на передовой нужно было снабжать и кормить, и делать это нужно было в темное время суток. Позднее мы узнали, что немецкие части, находившиеся напротив нас, были парашютистами – самыми стойкими бойцами во всей германской армии. Для того, чтобы помочь в переноске припасов тем, кто занимал позиции на Высоте *Hangman's Hill* и других открытых участках, в то время как большая часть мулов была убита непрерывным огнем артиллерии и минометов противника, я, с одобрения командира батареи, вызвался участвовать в нескольких походах подобного рода в перерывах между пребыванием на огневой позиции и НП. Время от времени нас обстреливали, но ничего серьезного не происходило, а видеть благодарность на лицах людей, когда мы прибывали на их рубеж с пищевыми rationами, лично для меня было достаточным основанием для того, чтобы предпринимать эти усилия. Тем временем парашютисты предприняли несколько атак, нанеся нашим людям большие потери, но раз за разом откатывались под сильным огнем наших пушек и минометов. Со временем весь [Новозеландский] корпус был отведен с передовой, и его место заняли части 78-й Дивизии. Мы тоже оставили свою позицию и вернулись туда, где оставили наши пушки, в район города Беневенто/Benevento. По пути мы заночевали на берегу вспухшей и стремительно несущей свои воды реки Вольтурно/Volturno. Там, где мы остановились, река разлилась в ширь из-за сильных дождей, изолировав в 5-6 метрах от берега небольшой островок длиной метров 20 с большим деревом на нем. Мы не обращали на него внимания, пока не услышали шум самолета, быстро приближающегося к нам вниз по долине реки, потом я услышал треск пулеметов и грохот разрыва небольшой бомбы. Я понял, что это был враг, атаковавший

именно нас. Я увидел группу из четырех парней за собой и закричал им, чтобы они залегли. Грузовиков рядом не было, так что единственное, что можно было сделать, - это плюхнуться на землю и замереть. Летчик, сбросив бомбу выше по долине, пролетел над нами и сбросил еще одну ниже по течению, но все еще достаточно близко, чтобы осыпать нас камнями и комками грязи. После того, как самолет исчез, я услышал крик, оглянулся и увидел, что один из парней, который до этого стоял за мной, теперь стоит на том самом островке рядом с деревом. Другие парни кричали ему, чтобы он возвращался к ним, но как он ни пытался это сделать, течение было слишком сильным, и там было слишком глубоко. Как он там оказался, оставалось неясным... В конце концов мы вытащили его оттуда, спустив по воде веревку. Он так и не сумел объяснить, как это с ним случилось.

Получив обратно нашу технику, мы проследовали на позицию на восточном фланге линии фронта между Кассино и Адриатическим морем, в горах. Это была сдерживающая позиция, так как мы сильно нуждались в отдыхе, а основные силы концентрировались близ Кассино для финального наступления, которое должно было вот-вот начаться. Другими словами, стояло затишье, поскольку ни одна из стороны не имела достаточных сил для атаки. Погода, все еще дрянная, должна была улучшиться... Командир батареи воспользовался этим затишьем, чтобы дать нам возможность получить увольнение на несколько дней «вахтовым» методом, так что у всех у нас были на это одинаковые шансы. Я решил свои несколько дней использовать в Бари/Bari, что на восточном побережье, и получил от этого удовольствие. Находясь там, я встретил нескольких парней из *RAF*, служивших в бомбардировочных частях, действовавших с соседнего аэродрома в Фодже/Foggia. Я спросил у них, нет ли какой-нибудь возможности для меня совершить полет в ходе одного из их бомбардировочных рейдов: ведь я раньше ни разу не летал. Они сказали мне, что вот-вот, через пару дней, должны протестировать один из своих бомбардировщиков, который только что прошел капремонт, и что они возьмут меня собой в качестве запасного/проходящего обучение бортстрелка при условии, что на *RAF* не будет никакой ответственности, если что-то случится или я получу травму. Я с огласился, все было обговорено, но сделать мне это не удалось, потому что я получил срочный вызов из полка с приказом немедленно прибыть в его расположение, так что все пришлось отменить. Все это оказалось к лучшему, так как позднее я узнал, что их планы в последний момент поменялись и их отправили в [рейд на нефтяные промыслы Плоешти](#), из которого большинство самолетов не вернулось...

Причиной моего срочного отзыва было то, что полк перебрасывали на новую позицию, так как противник отступил из сектора напротив нас из-за высадки союзников на [плацдарме Анцио](#). Командир батареи взял меня с собой, чтобы показать новые позиции, после чего он оставил меня на месте наметить точное расположение пушек. Затем я вернулся на свой КП и решил лично сопроводить каждую пушку на выбранное мною место в тот же вечер, после наступления темноты. Стемнело, и я отправился в путь с пушкой №1. Я шел впереди нее в 15 ярдах, рядом со мной шел сержант-командир расчета. Я держал зажженную сигарету с ее светящимся огоньком у себя за спиной, чтобы ее мог видеть водитель машины. Дорога, которую я выбрал, была асфальтированной, новая позиция была всего в пяти футах от нее. Поскольку под нами был асфальт, я не счел вероятным наличие на ней мин, да и покрытие выглядело ненарушенным. Я прошел около 50 ярдов и был уже готов повернуть, когда за мной грохнул мощный взрыв. Я немедленно упал на колени, зная, что грузовик налетел на мину. Меня не зацепило, но сержант упал лицом на дорогу со стенаниями, давая понять, что ранен, но сказал мне оставить его и посмотреть, что случилось с теми, кто был в грузовике, что я и сделал. Я обнаружил, что одно переднее колесо отбросило взрывом в сторону, а водителя выкинуло из машины: он лежал с головой, опущенной в яму, ноги его оставались на асфальте, из разорванной артерии на его шее струилась кровь. Я спрыгнул в яму, положил голову водителя себе на колени, достал свой носовой платок и прижал его к ране, чтобы остановить кровотечение или замедлить его. Тем временем машины, буксирующие пушки 2, 3 и 4 остановились, так как люди услышали грохот взрыва. Парни побежали вперед, чтобы помочь пострадавшим. С их помощью раненых быстро доставили на полковой перевязочный пункт, а оттуда сержанта и водителя отправили в госпиталь, после чего я их больше никогда не видел. Пушку отцепили от

буксира и убрали, расчетам остальных троих я сказал, чтобы они вернулись на старую позицию и что их разместят на новой позиции следующей ночью. Поврежденный грузовик разгрузили, и его убрали с дороги механики, а я вернулся к командиру батареи. Я так и не понял, как мне удалось избежать даже царапин, тогда как идущего рядом со мной сержанта засыпало осколками, но я и в самом деле чувствовал, что всемогущий господь приложил к этому руку...

Хотя погода улучшилась, финальное наступление на монастырь было отложено до мая..., и 18-го поляки вступили в руины монастыря... [Рим пал](#) незадолго до [Дня Д во Франции](#), о чем я думал тогда с большим сожалением, потому что это грандиозное достижение было задвинуто в тень британскими и американскими газетами в свете открытия *Второго Фронта* на земле Франции...

... Наш сектор фронта оставался статичным до падения монастыря, после чего противник начал отступать на север, и события стали развиваться с большой скоростью. Мы преследовали немцев, приостанавливались время от времени там, где враг оказывал сопротивление, а потом снова снимались с места и шли вперед до следующего рубежа его обороны. Мне нравилось, как шли дела в тот период боев, и я пользовался любой возможностью проехаться на моем джипе впереди своего отделения якобы для того, чтобы разведать новую позицию для наших пушек, но, на самом деле, чтобы поглядеть на сельскую местность Италии. В нескольких случаях я оказывался первым военнослужащим союзников, въезжавшим в какую-нибудь горную деревушку, и везде радостные местные жители встречали нас цветами и вином, настаивая при этом, чтобы мы выпили его вместе с ними. Определенно я был в одном из первых джипов, вкатившихся на территорию крохотного независимого государства Сан-Марино/San-Marino, которое никто не оборонял...

Помню один случай на пути на север, но точно не помню, где это произошло. Меня вызвал к себе командир батареи, и мы выехали с ним вперед на его джипе. Он сказал мне, что ему сообщили следующее: противник собирается дать нам бой на оборонительном рубеже и, возможно, контратаковать, в связи с чем полковой командир получил приказ прикрыть левый фланг, который упирался в небольшую речную долину. Вверх по ней противник и собирался нанести основной удар с участием танков, и мне нужно было перебросить туда мое отделение 17-фунтовок, чтобы выполнить поставленную задачу. Затем он отвез меня на позицию, на которой он хотел разместить мое отделение, и сказал мне провести на этом участке рекогносировка и выбрать подходящие точки для пушек. Сам он должен был вернуться в назначенное время. Он уехал, и я своим ходом отправился на осмотр местности. Изучил позицию с того места, где находился, и примерно решив, где будет стоять каждая из пушек, снова на своих двоих пошел вперед, чтобы получше разглядеть каждую из огневых точек. Выбранная позиция находилась у виноградника, гроздья были усеяны великолепными ягодами, готовыми для сбора, так что, поскольку дело было в теплые летние послеполуденные часы, я хорошо приложился к ним. В стороне стояли два дома, предположительно относившиеся к местной ферме, которая временно была заброшена. Я решил посмотреть, что это за постройки, и не стоит ли воспользоваться ими, если понадобится. Я подошел к первой из них – это оказался сарай для скота. Входить в него было довольно страшновато, потому что стояла тишина, и, имея при себе револьвер, я вытащил его из кобуры и вошел в сарай, будучи готовым ко всему, даже к появлению вражеского солдата или потерявшегося домашнего животного. Однако он оказался пустым, поэтому, осмотрев его, я пошел ко второй постройке. По пути я заметил лежавший на земле кусок проволоки длиной всего 4-5 дюймов – это означало, что тут закопана противопехотная мина. Немцы использовали особенно мерзкую [мину shoe](#) (Schü-mine 42/Schützenmine 42), которая могла оторвать ступню, так что я стал продвигаться с превеликой осторожностью, и, само собой, набрел на табличку *MINEN*. Теперь я был начеку, выисматривая, не виден ли где-нибудь нарушенный почвенный покров. Я обошел стороной несколько мин, после чего вошел в здание, которое оказалось брошенным фермерским двухэтажным домом. Было очень тихо, и несмотря на то, что в руке у меня был револьвер, я чувствовал, что на затылке у меня шевелятся волосы, и у меня было

такое жуткое чувство, что кто-то следит за мной и поджидает меня. Это было наводившее страх ощущение, и чувствовал я себя далеко не комфортно. Однако дом оказался пустым, так что я вернулся, сделав полукруг через виноградники, на позиции пехотинцев, по-прежнему тщательно осматриваясь. Я не ушел далеко, когда услышал: «Стой, кто идет!», ответил на вопрос, после чего мне сказали пройти вперед и дать себя опознать. Потом ко мне подошли двое британских солдат, которые спросили меня, кто я и что делаю здесь в это время суток. Я сказал им, но они не хотели мне верить. «Мы находимся на переднем крае обороны,» - сказали они мне, другими словами, они были ближе всего к противнику, а я подошел со стороны его позиций. Они вызвали своего командира отделения, и он отнесся ко мне с подозрением, потому что две постройки, об осмотре которых я рассказал ему, по его мнению, были вражескими пулеметными гнездами, и его часть понесла большие потери от огня этих *шпандау/Spandau* (собирательное название немецких пулеметов у британских солдат – ВК). Потом он отвел меня к своему командиру роты. По пути он продолжал говорить мне, чтобы я пригнулся, чтобы держал голову пониже, поскольку он не хотел, чтобы я выдал их позицию, хотя я возражал, говоря, что только что пришел оттуда и что там никого нет. Командир роты также подверг меня расспросам и тоже отнесся к моим словам с недоверием, подтвердив озабоченность командира отделения потерями, понесенными от огня *шпандау*. Однако я сумел удостоверить свою личность, чем он остался доволен. Я уже собирался уходить, когда на нас обрушился огонь минометов и пулеметов, который, как утверждали эти парни, вели по нам со стороны этих двух домов! Командир отделения прокричал мне: «Я говорил вам держать вашу чертову башку пониже!» Мы так и не переместились на ту намеченную позицию, потому что противник на следующий день покинул свою и отступил...

К середине августа 1944 года союзники пробивались к Готской Линии, которая со временем была прорвана после шести недель ожесточенных боев в горной местности в нашем секторе фронта и в секторе 5-й Армии, где было пониже и поровнее. Пошли дожди, дороги раскисли, стали скользкими, опасными и временами непроходимыми. Мой полк вышел на позицию в горах, с которой просматривалась долина реки По. Дело было уже в конце сентября, и нам сказали, что мы останемся на этом рубеже, пока нас не сменит 10-я Индийская Дивизия. Становилось холодно, было сыро, грунт стал топким, и мы буквально увязли на этой позиции.

Слева от нас были американцы – черная 92-я Дивизия. В то время пошел снег... Как-то утром мы получили сообщение о том, что наш левый фланг обнажился [в результате атаки противника]. Оказалось, что по какой-то неизвестной причине черные американцы ночью бросили свои позиции и бежали в южном направлении. По счастью, наше верховное командование очень быстро на это среагировало и бросило в образовавшуюся брешь бригаду 8-й Индийской Дивизии, находившейся в резерве. Одновременно с этим дивизионная артиллерия получила приказ начать обстрел передовых частей противника с такой интенсивностью, будто мы вот-вот пойдем в наступление. Трюк сработал, и я не думаю, что находившийся напротив нас противник догадывался, что происходит на самом деле. В итоге черные американцы остановились и повернули назад, не отступив слишком далеко...

ГРЕЦИЯ – ПЛЕН – ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Было начало октября 1944 года, когда меня вызвал к себе командир батареи и сказал, чтобы я передал свое отделение другому офицеру и вернулся к нему со всеми своими личными вещами: я отправлялся с небольшой группой людей в Грецию. Оказалось, что 4-я Индийская Дивизия перебрасывалась в Грецию для несения полицейских функций, а наша небольшая партия отправлялась до нее, чтобы подготовить прибытие в эту страну нашего полка, местом назначения которого были Ионические острова Кефалония/Cephalonia и Занте/Zante. В нее вошли командир батареи, я, один связист с радиостанцией №. 19 и два наших денщика – всего 5 человек. Меня выбрали для этой миссии благодаря моему знанию французского. Никто в нашей части не умел говорить по-гречески, но в Греции многие говорили по-французски, так что меня отправили туда в

качестве переводчика, офицера разведки и адъютанта нашего майора. Мы погрузились на [танкодесантный корабль \(LST\)](#) вместе с несколькими группами людей из других дивизионных частей и отплыли в Патры/Patras. Оттуда нас переправили в конечный пункт со всем снаряжением, включая джип, на оснащенном мотором рыбаком *каике* – популярном транспортном средстве в этой части света. Судно имело очень медленный ход, поэтому у нас ушло 8 часов на то, чтобы добраться до Аргостоли/Argostoli – столицы Кефалонии, расположенной в живописной бухте на юге острова.

Греческие партизаны группировки ЭЛАС

Я должен объяснить, что немцы ушли с Балкан из-за наступления русских, и греческая нация оказалась расколотой на две части в период германской оккупации: националистов, поддерживавших греческое правительство, и [ЭЛАС](#) – коммунистических партизан, которые себя называли также *андартес*.

Греческие партизаны из республиканско-националистической группировки [ЭДЕС](#)

Первоначально они много говорили о сотрудничестве, но потом сцепились друг с другом. Ситуация на острове была крайне напряженной, когда мы прибыли на него: здесь находились 1 100 бойцов ЭЛАС, включая их лидеров, и я пришел к выводу, что это наименее склонные к сотрудничеству люди. Хотя они и согласились работать с нами, уже на следующий день они нарушили договоренности. Я встретил здесь бизнесменов, находившихся в оппозиции к ЭЛАС и говоривших по-французски, кроме одного, который немного говорил по-английски и имел проправительственный и монархический настрой. Я с удовольствием проводил время на острове и осмотрел большую его часть с джипа, так как из Патр нам присыпали бензин в 44-галонных бочках, когда бы мы об этом ни просили. К этому времени мы реквизировали виллу, расположенную близ гавани, поскольку припасы для нас прибывали туда на каике после запросов, отправляемых нами по радио в штаб дивизии, в Патры. Никаких денежных знаков на острове в обращении не было, и все бизнес-операции осуществлялись на основе бартера. Майор и я активно путешествовали по острову, намечая пункты, где наши войска могли быть использованы с максимальной эффективностью. Мы все больше и больше нервничали, поскольку прибытие нашего полка задерживалось по разным причинам, а люди из ЭЛАС становились все более дерзкими и высокомерными, имея дело с нами. Основным препятствием для переброски полка была нехватка морского транспорта, так как все имеющиеся под рукой суда и корабли были отправлены в [южную Францию для высадки там союзных войск](#) и пока не вернулись. Мне принадлежала главная роль в отправке в штаб в Патрах информации о переброске силами ЭЛАС награбленных вещей (главным образом, больничных коек и белья) на каиках в континентальную Грецию, в Астакос/Astakos, и о времени их отправки. В этих случаях из порта Патры на перехват отправляли катера ВМФ для дальнейшей конфискации этого имущества штабом...

Британские солдаты в бою против отрядов ЭЛАС в Афинах. 6 декабря 1944 года

Майор часто получал телефонные звонки из штаба ЭЛАС: его просили присутствовать [во время каких-то мероприятий]. Однажды утром я получил срочную и секретную радиограмму от нашего штаба, в которой говорилось следующее: «Вы должны немедленно разоружить всех членов ЭЛАС.» Когда майор вернулся в наше расположение, я показал ему радиограмму и сказал: «Я не думаю, что мы получили это, как вы считаете?» Он сказал

нет и уничтожил ее. Мы отдавали себе отчет в том, что ситуация серьезно ухудшилась с того момента, когда между нашими войсками и отрядами ЭЛАС в Патрах и их окрестностях начались бои, в которых силы ЭЛАС потерпели серьезное поражение и были вынуждены отступить сломя голову в сторону Афин. Через короткое время после этого, где-то в середине декабря 1944 года, майор получил очередной вызов от командования ЭЛАС [на острове], а я отправился в гавань, чтобы встретиться с хозяином каика, который должен был вскоре отправиться в обратный путь в Патры после доставки нам груза. Стоя на причале и разговаривая с ним, я услышал щелчок затвора винтовки за своей спиной и резкую команду на греческом языке. Я повернулся и увидел восьмерых солдат ЭЛАС, стоявших полукругом с наведенными на меня винтовками, требовавшими, чтобы я поднял руки. Я не был вооружен, потому что на острове было 1 100 людей ЭЛАС, а нас только пятеро, так что я решил, что от 6 патронов моего револьвера калибра .38 будет мало толку.

Старший среди них подошел ко мне и сказал на ломаном английском, что я арестован и буду препровожден в его штаб. Я был доставлен в штаб, вошел в комнату, как мне было приказано, и увидел там майора и остальных из нашей группы. Радист отвел меня в сторону и сказал мне, что не успел вывести радио из строя или сообщить в Патры о нашем бедственном положении, поскольку его застали врасплох. Нам сообщили, что мы теперь являемся военнопленными, так как между ЭЛАС и британскими войсками начались боевые действия в Афинах и Патрах и в их окрестностях. Далее нам сообщили, что мы останемся здесь и что в наше расположение будут отправлены люди, чтобы принести нам наши шинели и по одному одеялу на каждого. Я спросил, не принесут ли они мне пару туфель или башмаков из моих личных вещей, поскольку туфли, которые были на мне, были старыми и частично сношенными и не долго не протянут, если придется идти далеко. Они мне отказали. Однако я получил свои шинель и одеяло, за что был благодарен, так как по ночам становилось холодно. Больше мне не довелось увидеть остальные вещи из моего снаряжения.

Нас продержали взаперти в довольно большой комнате оставшуюся часть дня, и ближе к вечеру они сообщили нам, что ночью нас на каике отправят на континент. Поскольку эласовцы похитили нашу радио, мы не могли проинформировать штаб в Патрах о сложившейся ситуации. Вечером, когда солнце садилось, нас отвели в гавань и погрузили на каик, которые почти сразу же отправился в путь. Нас закрыли в каюте и у дверей поставили двоих охранников с немецкими шмайсерами. Один из их офицеров, немного говоривший по-английски, несколько часов провел с нами в каюте и сказал нам, что, если кто-то из нас попытается бежать или захватить судно, все мы будем расстреляны, так как у него на борту шестеро вооруженных людей. Мы шли всю ночь и на следующий день прибыли в небольшой порт Астакос на континенте. Оттуда нас повели под конвоем в северном направлении, в деревню Эмфилокия/Emphilokia, которая, как нам сказали, находится часах в четырех ходьбы. Оказалось, что она находится в 60 милях, и этот марш занял у нас 3-4 дня, так как одним из дней было Рождество, и мы отдыхали. Нас постоянно охраняли четверо конвоиров: двое шли впереди, двое сзади. Когда нам был нужен ночлег, конвоиры обходили деревни, в которых мы оказывались, и приказывали крестьянам освободить для нас помещение. Крестьяне также должны были кормить нас ужином и завтраком. Завтраки состояли из кружки кофе, и то если везло. Рождественский день 1944 года мы провели на полу пути к Эмфилокии, на небольшой ферме. Фермер и его семья были очень добры к нам и настояли на том, чтобы мы присоединились к их рождественской трапезе во время ланча, поскольку они закололи свинью специально по этому случаю. Эти греческие крестьяне и фермеры, которых мы встречали во время нашего путешествия, были очень бедными, но очень щедрыми и полными желания угодить нам, поскольку жалели нас. Так или иначе, та еда, которая нам досталась в тот день, была лучшей из всего того, что перепадало нам за многие недели, и единственной приличной едой из всего того, что будет нам доступно до возвращения в полк. Мы все благодарили фермера и его семью за гостеприимство, перед тем как уйти следующим утром. В итоге мы прибыли в Эмфилокию лишь для того, чтобы нам сказали идти дальше на восток через горы, в один из монастырей, занятый бойцами ЭЛАС, которые выгнали из него православных монахов и превратили постройки в тюрьму. По их словам, он был расположен не слишком далеко,

и мы должны были добраться до него часа за 2-3. Этот переход занял у нас два дня, и по дороге мы перевалили через два горных хребта, идя выше снеговой линии... Временами мы пробивались через стену снега высотой до четырех футов (мне по грудь), но по большей части толщина снежного покрова была около 18 дюймов (*около полуметра – ВК*). К этому времени подошвы моих туфель протерлись до дыр, и утром мои носки становились мокрыми до того, как мне удавалось пройти сотню ярдов...

На следующий день после того, как мы добрались до построенного на склоне холма монастыря и были размещены в двух проходных комнатах на первом этаже, к нам присоединились другие парни из нашей дивизии, попавшие в плен в боях в окрестностях Афин и Патр. От них мы узнали последние новости. Оказалось, отряды ЭЛАС попытались окружить Патры, но натолкнулись на 11-ю Бригаду. Бригадир Хенри Хант (Henry Hunt, 1910-1998) после этого бросил вперед Батальон 2/7 гуркхов, чтобы те ночью просочились через позиции противника и атаковали его на рассвете. Эти ребята были сильны в подобных действиях, и стоило им появиться за спиной у греков, как те бежали, и на этом боевые действия закончились, если не считать еще нескольких стычек. Мы все обрадовались услышанному, потому что до этого новости к нам приходили только от эласовцев, и мы только и слышали об их победах и тяжелых поражениях британцев, несущих огромные потери в танках и технике, чему никто из нас, так или иначе, особенно не верил. На тот момент в двух комнатах было 19 военнопленных: 4 британских офицера, 3 греческих офицеров-монархистов/переводчиков, 4 индийцев и 8 британских солдат. Спали мы на двухъярусных койках с матрасами, набитыми каким-то волокном. Мне повезло: я оказался наверху, где под шинелью и одеялом было довольно тепло несмотря на снег и холод на улице. Первая неделя была нелегкой, но после нее, когда мы все поближе узнали друг друга и привыкли к ситуации, время пошло, хоть не очень быстро. Кормили нас один раз в день – это был, главным образом, овощной суп, хотя по пятницам в нем плавало немного мяса, обычно козлиного. Однако у нас был в изобилии кукурузный хлеб, который был хорошим слабительным, так что в этом плане у нас проблем не было. Туалет был во дворе и представлял из себя траншею 2 м в длину и $\frac{1}{2}$ м в ширину, через которую было переброшено бревно... Если кто-то из нас хотел выйти, он должен был позвать охранника, который, в свою очередь, звал другого, и тот отводил человека к траншее и приводил назад. Было и в самом деле очень скучно, и мы все время спрашивали себя, знает ли армейское командование, где мы. Интересно было, как идут дела в Афинах, Патрах, Италии, Франции, Бирме, на Дальнем Востоке. Я знаю, мы все потеряли в весе, но чувствовали, что это к лучшему.

Мы провели в монастыре 2-3 недели, когда одним утром увидели на расстоянии приближавшегося к монастырю на муле человека, за которым шел караван из примерно шести других мулов, нагруженных чем-то. Нас заинтересовало то, что человек, вроде как, был в британской военной форме. Оказалось, что это был греко-австралиец, работавший для [ЮНРРА](#) (UNRRA - United Nations Relief and Rehabilitation Administration), которая получила информацию о нахождении здесь военнопленных и отправила его найти нас и передать нам армейские [пищевые] рационы. Мы воспользовались этой возможностью, когда его привели к нам в помещение, и передали ему список наших имен, званий и личных номеров. Он обещал по возвращении передать эти сведения в дивизионный штаб... Двое британских офицеров из нашей группы сумели уговорить старшего по званию эласовца разрешить греческому сотруднику UNRRA взять с собой наши письма и послать их нашим семьям через армейскую почту. Он разрешил при условии, что письма будут не длиннее одной страницы. Мы все так и сделали, и позднее моя мать рассказала мне, что получила мое письмо... Дополнительные рационы были благословением божиим, и, хотя мы знали, что часть их у нас украли, по меньшей мере, мы получили львиную долю, иначе мы бы просто оголодали. Тем временем скучная жизнь продолжалась, пока в середине февраля 1945-го нам не сказали быть готовыми на следующее утро к отправке в другую тюрьму у побережья.

Утром мы были готовы тронуться в путь, но настояли на том, чтобы нам отдали все оставшиеся рационы, поскольку они принадлежат Британской армии и, значит, и нам. Это

сработало, и мы распределили жалкие остатки рационов между теми, кто был покрепче других, чтобы они тащили их на себе. Двое конвоиров шли впереди, двое в середине колонны, двое сзади, все они были вооружены шмайсерами. Мы заново прошли часть пути, по которому совершили марш ранее, пока не спустились с гор, окружавших монастырь, в долину, где обнаружили большой грузовик с опознавательными знаками *UN*, поджидавший нас на гравийной дороге, ведущей в Агринион/Agrinion. Нам приказали сесть на него, после чего отвезли в небольшой порт Месолонгион/Mesolonghion, расположенный на противоположном от Патр берегу Коринфского канала. Там нас затолкали в пустой школьный класс, где мы провели ночь под охраной. На следующий день наши охранники из монастыря исчезли, и их сменили другие. В поздние послеполуденные часы двоих наших старших офицеров увезли на встречу с местным командиром ЭЛАС. Вернувшись, они рассказали нам о сложившейся ситуации. Они сказали, что наш бригадный командир Хант вступил в контакт с местным командиром ЭЛАС после устного сообщения, полученного от нашего друга, греко-австралийца, который привез нам в монастырь пищевые рационы. После этого Хант потребовал нашего освобождения. После долгих переговоров с ЭЛАС и по настоянию Ханта нас перевезли туда, где мы сейчас находились. Нас должны были на следующий день эвакуировать из Мессолонгиона в Патры при условии достижения соглашения и принятия его условий эласовцами. Мы прождали весь следующий день, надеясь на лучшее, но лишь в поздние послеполуденные часы прибыли каик и катер Британского ВМФ. Появились охранники, чтобы отвести нас в гавань. Бригадир Хант и двое его штабных офицеров стояли на моле у входа в гавань, разговаривая с командирами эласовцев и его штабными офицерами. Катер стоял на якоре посреди узкого прохода в гавань, у его носовой пушки стояли моряки, которые навели ее на шестерку или около того каиков, находившихся в небольшой гавани. После того, как нижних чинов перебросили на каик, нас (вероятно, офицеров – ВК) на шлюпке перевезли на катер. Нас отвели в офицерскую столовую, и вскоре к нам присоединились бригадир Хант и его штабисты. Подали выпивку, и после трех стопок, когда мы прибыли в Патры, я был уже наполовину пьян.

В Патрах нас встретили командир батареи и полковые офицеры, и, поблагодарив Ханта и его штабистов за все, что они сделали, чтобы добиться нашего освобождения, мы вернулись в полк. Возвращение было приятным, и все парни, казалось, были искренне рады видеть нас. Все мое отделение настояло на том, чтобы я пошел с ним в местный бар, где они собирались угостить меня. Туда в сопровождении офицера, который до этого замещал меня, отправились все парни из моего отделения кроме тех, кто был на посту... Не помню, как я вернулся обратно и улегся спать, но утром голова у меня просто разламывалась...

Через несколько дней командир батареи сообщил нам, что все побывавшие в плену отправляются домой, в отпуск, а меня, поскольку я более четырех лет прослужил за морями, после отпуска буду переведен на базу Королевской Артиллерии в Вулич/Woolwich...

После возвращения в Великобританию Алек Барторп был переведен в Италию, где прослужил еще около года, вернувшись домой в июле 1946-го.

Источник - <https://www.warlinks.com/memories/barthorpe.php>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org

